

Информация для цитирования:

Громыко С. А. Речевые репрезентации идеи единства в русском парламентском дискурсе начала XX века (на примере лексем *единство* и *единение*) / С. А. Громыко // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 39—54. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-39-54.

Gromyko, S. A. (2023). Speech Representations of Unity in Early 20th Century Russian Parliamentary Discourse: A Study of Lexemes 'Edinstvo' [Unity] and 'Edinenie' [Unification]. *Nauchnyi dialog*, 12 (5): 39-54. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-39-54. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-39-54

Речевые репрезентации идеи единства в русском парламентском дискурсе начала XX века (на примере лексем *единство* и *единение*)

Громыко Сергей Александрович

orcid.org/0000-0002-4256-9815

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка, журналистики
и теории коммуникации
ling2007@yandex.ru

Вологодский
государственный университет
(Вологда, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-28-00854,
<https://rscf.ru/project/23-28-00854/>

Speech Representations of Unity in Early 20th Century Russian Parliamentary Discourse: A Study of Lexemes 'Edinstvo' [Unity] and 'Edinenie' [Unification]

Sergey A. Gromyko

orcid.org/0000-0002-4256-9815

PhD in Philology, associate professor
Department of Russian Language,
Journalism
and Communication Theory
ling2007@yandex.ru

Vologda State University
(Vologda, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00854,
<https://rscf.ru/project/23-28-00854/>

© Громыко С. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется функционирование лексем *единство* и *единение* в устных публичных выступлениях депутатов дореволюционной Государственной Думы. Цель статьи — систематизация речевых репрезентаций идеи единства на примере лексем *единство* и *единение* в русском парламентском дискурсе начала XX века в риторико-прагматическом аспекте. В качестве инструмента анализа персуазивности парламентского дискурса использовалась такая категория, как персуазивный комплекс. Установлено, что анализируемые лексемы активно использовались в русском парламентском дискурсе начала XX века для выражения семантики интегративности. Интегративность, выражаемая анализируемыми лексемами, касается многих разнообразных тем, от семьи и суда до мнений, принципов и взглядов. Установлены и проанализированы функциональные различия между употреблением лексем *единство* и *единение*. Персуазивность *единства* / *единения* в риторической практике дореволюционной Государственной Думы связана с достижением высокого пафоса выступления за счет употребления данных лексем в прямом значении, развития при них эпитетов, вхождения их в состав метафор. Доказано, что употребление в определенном контексте лексем *единство* и *единение* было политическим маркером, так как наблюдается определенная специализация словоупотреблений в выступлениях представителей разных политических сил.

Ключевые слова:

парламентский дискурс; персуазивность; персуазивный комплекс; риторика; парламентская риторика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article analyzes the functioning of the lexemes 'edinstvo' [unity] and 'edinenie' [unification] in the oral public speeches of the deputies of the pre-revolutionary State Duma. The aim of the article is to systematize speech representations of the idea of unity on the example of the lexemes 'edinstvo' [unity] and 'edinenie' [unification] in the Russian parliamentary discourse of the early 20th century in a rhetorical-pragmatic aspect. The category of persuasive complex was used as an instrument for analyzing the persuasiveness of parliamentary discourse. It was established that the analyzed lexemes were actively used in the Russian parliamentary discourse of the early 20th century to express the semantics of integrativeness. Integrativeness, expressed by the analyzed lexemes, relates to many diverse topics, from family and court to opinions, principles, and views. Functional differences between the use of the lexemes 'edinstvo' [unity] and 'edinenie' [unification] were identified and analyzed. The persuasiveness of 'edinstvo' [unity] and 'edinenie' [unification] in the rhetorical practice of the pre-revolutionary State Duma is associated with achieving a high degree of pathos in speeches through the use of these lexemes in their literal sense, developing epithets with them, and incorporating them into metaphors. It is proven that the use of the lexemes 'edinstvo' [unity] and 'edinenie' [unification] in a specific context was a political marker, as there is a certain specialization of word usage in speeches by representatives of different political forces.

Key words:

parliamentary discourse; persuasiveness; persuasive complex; rhetoric; parliamentary pragmatics rhetoric.

УДК 808.5+811.161.1'42:328.126"190"

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Речевые репрезентации идеи единства в русском парламентском дискурсе начала XX века (на примере лексем *единство* и *единение*)

© Громыко С. А., 2023

1. Введение = Introduction

Семантика единства, как и ее противоположность, семантика разобщенности, актуальна для российского политического дискурса. В современных социально-политических условиях трансляция интегративных смыслов приобретает особое значение: внешние и внутренние угрозы в виде терроризма, экстремизма, радикального национализма, ксенофобии, экономических санкций, так называемой «культуры отмены», направленные на дезинтеграцию российского общества, могут быть нивелированы в том числе посредством текстов и дискурсивных практик, репрезентирующих этническое, социальное и культурное единение в условиях многообразия его проявлений. В то же время исследование таких единиц долгое время оставалось вне поля зрения ученых, так как единение не входит в зону социального напряжения, «следовательно, и лексике единения, солидаризации, образования союзов... уделяется внимание существенно меньшее, чем лексике вражды» [Лики единения..., 2022, с. 5]. Сказанное справедливо и по отношению к другим формам и способам репрезентации семантики единства — риторике, прагматике, дискурсивной акциональности.

Единство как ключевое слово русского политического дискурса XX века рассматривает в своей работе М. В. Гаврилова [Гаврилова, 2010]. Исследователь приходит к выводу, что «слово *единство*, являясь ключевым концептом русского политического дискурса начала XXI века, находится в состоянии “лексической эластичности”, объем понятия то расширяется, то сужается, и все эти лексические процессы находятся в постоянном движении» [Гаврилова, 2010, с. 18].

Важным этапом в исследовании семантики единства в политическом и массмедийном дискурсах является коллективная монография «Лики единения в языке и дискурсе» [Лики единения..., 2022]. В ней исследование языкового выражения тематики единства произведено на широком и разнообразном материале различными методами, включая семный, дис-

трибутивный, а также дискурс-анализ. Так, Т. В. Дубровская, анализируя языковые репрезентации представлений о единстве в современном российском политико-правовом дискурсе, приходит к выводу, что «единение конструируется, во-первых, как внутригосударственный атрибут, и в этом случае одним из наиболее важных аспектов единения выступают территориальная целостность и межкультурное взаимодействие; и, во-вторых, как атрибут внешнеполитической деятельности РФ, для которой характерна интеграция в общемировое пространство при одновременном сохранении общероссийской идентичности» [Дубровская, 2022, с. 264]. А идея национального единения в современном публицистическом дискурсе реализуется в контексте общегосударственного строительства, объединяющего всех граждан страны безотносительно к национальной принадлежности [Семёхина и др., 2022, с. 166].

Вербализация семантики интегративности в политической коммуникации изучалась В. П. Джигоевой на материале югоосетинского политического дискурса [Джигоева, 2017], О. М. Михайленком в теоретико-политологическом аспекте [Михайленок, 2013], Н. Б. Руженцевой применительно к межнациональным отношениям [Руженцева и др., 2013], А. В. Щетининой на материале медийных публикаций [Щетинина и др., 2021]; ср. также работу [European Parliaments... , 2010].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Данная статья представляет собой результат исследования вербальных репрезентантов семантики интегративности на оригинальном материале — русском парламентском дискурсе начала XX века. Под **интегративностью** мы понимаем семантическое поле различных смыслов, объединенных общими семами сплоченности, цельности, единства. В статье анализируются речевые реализации двух ключевых лексем — *единство* и *единение*. Слово *единство*, как уже указывалось выше, принято считать ключевым концептом русского политического дискурса XX—XXI веков. Слово *единение* взято для анализа, потому что соотношение семантики и функционирования этих двух лексем в политическом дискурсе начала XX века представляет собой определенный научный интерес, что отмечала М. В. Гаврилова: с одной стороны, слово *единство* преимущественно использовалось в сочетаниях «единство страны», а *единение*, согласуясь с одушевленными существительными, обслуживало сферу человеческих отношений; с другой стороны, «начиная с партийных документов социалистических партий начала XX в., *единство*, вобрав в свою семантическую структуру сему 'сплоченность', вытеснило слово *единение* из русского политического дискурса, вследствие чего *единство* стало употребляться как

с неодушевленными, так и с одушевленными существительными» [Гаврилова, 2010, с. 14].

Цель данного исследования — систематизация речевых репрезентаций идеи единства (интегративности) на примере лексем *единство* и *единение* в русском парламентском дискурсе начала XX века в риторико-прагматическом аспекте. В процессе исследования мы пытались ответить на ряд вопросов: о каком единстве / единении говорили депутаты с трибуны? каковы лексические значения этих слов? какие при этом использовались средства персуазивности для убеждения аудитории или воздействия на нее? существует ли корреляция использования этих ключевых слов с политическими взглядами ораторов?

Материалом для исследования послужили стенографические отчеты заседаний Государственной Думы Российской империи с 1906 по 1917 годы. Источниковедческая характеристика стенографических отчетов подробно и исчерпывающе дана в работах И. К. Кирьянова. Исследователь приходит к выводу, что «за исключением редакционной правки, связанной с нарушениями думского регламента, стенографические отчеты детально воспроизводят все то, что обсуждалось и происходило в зале заседаний общего собрания Государственной Думы» [Кирьянов и др., 2009, с. 145]. Именно материалом отличается наше исследование от работ М. В. Гавриловой, которая анализировала употребление лексем *единство* и *единение* в текстах программ политических партий начала XX века. Мы же концентрируем внимание на устной публичной речи депутатов Государственной Думы, отраженной в стенографических отчетах.

В начале исследования методом сплошной выборки фиксировалось употребление лексем *единство* и *единение*. В общей сложности было отобрано более 550 словоупотреблений, большая часть которых (порядка 300) пришлась на употребление слова *единство*. Анализ отобранного материала строился по следующему алгоритму:

- 1) установление лексического значения слова;
- 2) анализ широкой дистрибутивности слова: установление контекста словоупотребления, отнесенность высказывания к определенной теме, наличие оценочности, коннотативности, контекстуально обусловленных значений;
- 3) определение инструментального потенциала словоупотребления (используется ли в составе средств воздействия / убеждения, выразительно-образительных средств);
- 4) определение операциональных особенностей словоупотребления (к какой политической фракции относится автор высказывания и какие интенциональные особенности высказывание демонстрирует?).

На основании полученных данных были сделаны выводы о доминирующих смыслах высказываний с лексемами *единство* и *единение*, динамике их изменений в процессе развития дискурса, их персуазивном потенциале в русском парламентском дискурсе начала XX века.

Исследование материала производилось в первую очередь в аспекте персуазивности речевых единиц в данном дискурсе. Этим, собственно, оно отличается от работы А. С. Семёхиной и А. В. Щетиной, которые в основном концентрировали свое внимание на лексической семантике анализируемых единиц [Семёхина и др., 2022]. Для достижения целей нашего исследования в качестве инструмента анализа персуазивности парламентского дискурса мы предлагаем использовать такую категорию, как персуазивный комплекс. Под **персуазивным комплексом** мы понимаем совокупность инструментов и способов реализации персуазивности, сформировавшихся в отдельно взятом дискурсе и объединенных семантической единицей — образом или символом. Это когнитивно-коммуникативная категория, которая отражает актуальное для данного дискурса представление о степени убедительности различных способов предъявления востребованных образов и мотивов, как, например, мотива интегративности (единства / единения) в данном случае. Подробно анализ персуазивного комплекса как методика исследования дискурса обоснован и представлен в публикациях о персуазивных комплексах «КРОВЬ» и «РЕБЕНОК» в русском парламентском дискурсе [Громыко, 2021а; Громыко, 2021б]. Здесь же отметим, что персуазивный комплекс представляет собой трехуровневую структуру: семантический уровень образуется различными тематическими и смысловыми группами сообщений, содержащих анализируемые лексемы, инструментальный уровень — это инвентарь всех элементарных средств речевого воздействия, образуемых при помощи данной лексемы, операциональный уровень — приемы и способы выражения определенных значений при помощи тех или иных инструментов в зависимости от темы высказывания, контекста, политической позиции говорящего.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Стенографические отчеты заседаний Государственной Думы 1906—1917 годов фиксируют более 3000 словоупотреблений с корнем *-един-*, в том числе прилагательные *единый* и *единственный*, существительные *объединение* и *разъединение*, сложные слова с первой составной частью, соответствующей по значению слову *единый* (*единовластие*, *единогласно*, *единодушно*), и т. п. Из них на лексему *единство* приходится 315 словоупотреблений, на лексему *единение* — 244 словоупотребления.

Рассмотрим структуру персуазивного комплекса «ЕДИНСТВО / ЕДИНЕНИЕ».

3.1. Семантический уровень

С точки зрения семантики и пропозиции высказываний агентов парламентского дискурса можно выделить следующие группы сообщений, связанных с лексемами *единство* и *единение*.

1. Единство / единение внутри социального и политического института:

- 1.1. Государственной Думы;
- 1.2. Совета Министров;
- 1.3. суда;
- 1.4. школы;
- 1.5. семьи.

2. Единство / единение российского государства:

- 2.1. единство державы / империи / страны / России;
- 2.2. единение государя с народом;
- 2.3. единение политических институтов;
- 2.4. внутреннее единство перед лицом войны.
- 2.5. единение Финляндии с империей.

3. Единство / единение наций (народностей):

- 3.1. славянское единение;
- 3.2. единение народов России;
- 3.3. единение русских с поляками;
- 3.4. единение евреев с русскими;
- 3.5. единение мусульман с русскими;
- 3.6. единение русских с Закавказьем;
- 3.7. кровное единство / единение народов.

4. Единство / единение внутри русского народа:

- 4.1. русское единство / единение;
- 4.2. наше единство / единение;
- 4.3. языковое единство.

5. Единение социальной группы:

- 5.1. единение трудящихся;
- 5.2. единение военнослужащих;
- 5.3. единение духовенства.

6. Ментальное единство / единение:

- 6.1. единство принципов;
- 6.2. единство / единение взглядов, мыслей;
- 6.3. единство настроения, чувств.

7. Единение конкретных депутатов друг с другом.

Среди этих групп сообщений важно выделить те, в которых часто встречалось утверждение отсутствия ЕДИНСТВА / ЕДИНЕНИЯ: 1.1, 1.2,

2.3, 3.5, 3.6, 3.8. Данное значение могло быть вербализовано как напрямую при помощи слова *нет* (*нужного в этот момент единства у нас нет*) или частицы *не* (*это не то единство, которое сейчас необходимо*), так и опосредованно при помощи других средств (*О каком единении Думы и Правительства может идти речь?*).

Интересным представляется тот факт, что депутаты практически не использовали такие распространенные в современном политическом дискурсе сочетания, как *духовное единство / единение* и *культурное единство / единение*. Последнее встретилось всего три раза, два из которых в негативных употреблениях.

Хронологически на распространенность образцов речевой вербализации идеи интегративности посредством слов *единство / единение* повлияла Первая мировая война. Максимальная частотность словоупотреблений наблюдается в 1914—1916 годах. Так, например, если в стенограммах за 1908 год нами было выявлено 32 словоупотребления, за 1912 — 41, то за 1916 год — 96 словоупотреблений. Сместились и семантические акценты: появился смысловой блок «внутреннее единство перед лицом войны» (2.4), были актуализированы блоки «единство / единение внутри русского народа» и «ментальное единство / единение».

3.2. Инструментальный уровень

Данный уровень основывается на использовании прямого значения анализируемых слов: *единство* чаще всего понималось как ‘цельность, нераздельность’, а *единение* — ‘тесная связь, сплоченность’. Оба значения воспринимались ораторами в большинстве своем как синонимичные, что видно из результатов анализа сочетаемости лексем (4.1, 4.2, 5.2), однако фактор одушевленности / неодушевленности (5.1—5.3) и грамматические особенности сочетаемости (2.2, 2.5, 3.5—3.8) также учитывались. Когда речь шла об одушевленных существительных, говорящим зачастую выбиралась лексема *единение*, как, впрочем, и в случае семантически и грамматически неравноправной сплоченности (*единение Финляндии с империей, евреев с русскими*, но *единство воли и мысли*). Соединительный союз *и*, употребляющийся при однородном управлении, акцентирует аналогичность [Современный русский..., 2014, с. 272] и традиционно рассматривается как «чисто конъюнктивный» [Санников, 2008, с. 45], поэтому однородные члены воспринимаются как равноправные: *единство разума и чувств*. В случаях же употребления словосочетаний типа *единение государства с народом* задействованы иные синтаксические механизмы. Предлог *с* «служит для обозначения совместности, указывая на предмет или лицо, участвующее в чем-либо вместе с кем-, чем-либо» [Словарь русского

языка, 1999, с. 10]. Подобные конструкции рассматриваются А. М. Мухиным как субстанциальная социативная синтаксема [Мухин, 1995, с. 115]. Значение социативности в данном случае может быть неравноправным из-за морфологических свойств слова *единение*, которое сохраняет значение процессуальности. В словосочетании *единение государя с народом* государь воспринимается как субъект, производящий некоторое действие. Аналогично в словосочетаниях *единение евреев с русскими*, *единение Финляндии с империей* можно говорить о наличии актора (евреи, Финляндия), который производит или должен производить некоторые действия с целью достижения интегративности. В то же время в парламентском дискурсе была распространена, хотя и гораздо менее, чем конструкция *единение X с Y*, модель *единение X и Y*. В этом случае она была семантически дублетна с массовыми употреблениями *единство X и Y*.

Обе лексемы активно входили в состав различного рода средств речевого воздействия. Слово *единение* нередко развивало при себе эпитет. *Святополк-Мирский [о положении немцев в России]: Все еще нет у нас в общественных взглядах и настроениях столь **желанного**, столь **необходимого единения** по этому вопросу* [ГД 1916а, с. 2478]. *Родзянко: Господа, вы меня знаете как сторонника, горячего сторонника и поклонника работы всех общественных сил на пользу страны; вы меня знаете как горячего сторонника **дружного, искреннего единения**, примирения* [ГД 1916а, с. 1549]. Словосочетание *кровное единение* не было частотным и использовалось в основном в группе сообщений 3 для выражения идеи интегративности славян. Слово *единство* употреблялось без эпитетов.

Особую роль в думских речах играла метафора, организованная с привлечением анализируемых слов. Метафоры с обоими словами однотипны в отношении образной основы и контекстной специфики. Наиболее частотной из них была метафора *ковать* [народное] *единство* / *единение* или *куется единство* / *единение*, которая встретила шесть раз в выступлениях разных ораторов и применялась в основном в группе 4. *Родичев: Настоящий русский человек не мог не чувствовать в то время: вот где залог победы, вот где **куется единство**. Оно здесь, господа, **ковалось**, и тот, кто посоветовал распустить эту **готовальню народного единства** [Государственную Думу], тот сознательно ослаблял силы народа* [ГД 1916а, с. 2761]. Несколько раз в изученных текстах была реализована метафора *путь единения* [славянства]. Слово *единство* встречается в контексте метафоры *семья народов*, используя которую говорящий акцентировал внимание на идее спаянности, неразделенности, неразрывности. *Рамот: Исполнение этого задушевного желания* [искоренение устарелых порядков] *удвоит силы народа для отражения врага и навсегда укрепит*

в эстонском народе сознание *единства интересов великой семьи, населяющей Россию, спаянной кровью и великим совместным трудом* [ГД 1915, с. 182]. Очевидно, что первоочередной целью такого использования тропов было создание и поддержание пафоса выступления, тем более что в 26 из 34 проанализированных случаев данные средства воздействия размещались в начале (21) либо в конце (5) речи. К этой же функциональной группе можно отнести факты использования крылатого выражения «*в единении — сила*» и вхождение слова *единение* в состав различного рода олицетворений, например *Граф Путткамер: Этой политики розни и недоверия не переменяла ни война, властно требующая единения, и не оказали на нее влияния исторические акты, говорящие о примирении двух братских народов* [ГД 1916, с. 3112].

Обращают на себя внимание и случаи использования анализируемых лексем в качестве инструмента выражения иронии. Это касается в первую очередь смысловой группы 1.1. Вообще осмысление интегративности в негативном либо ироничном ключе практически всегда было связано с парламентским метадискурсом, то есть с вербализацией представлений о работе самой Думы. *Лерхе: в настоящей стадии дела мы, господа члены Государственной Думы, обсуждаем только вопрос о том, переходить ли к постатейному чтению настоящего законопроекта, или отвергнуть его целиком. Я должен сказать, что по этому вопросу выяснилось **прогательное единение** обоих крыльев Государственной Думы* [ГД 1911, с. 43]. Сближение депутатов с министрами и членами правительства, описываемое посредством слова *единение*, также осмысливалось иронически, и упоминание об этом служило средством речевой агрессии, инвективы. *Новицкий: Из речи этого самого кадета Милюкова в запрошлом заседании мы слышали, что господин Милюков от народа и Дума от народа отделены тремя замками: первый замок — это закон 3 июня, второй — Государственный Совет и третий — министры. Но из последней речи господина Милюкова вы могли заключить, что в одну из министерских скважин господин Милюков заглядывал... И это министерский замок у Певческого моста. **Господин Милюков в полном единении с министром иностранных дел Сазоновым**...* [ГД 1913, с. 866].

3.3. Операциональный уровень

На операциональном уровне четко выделяется дихотомия «положительное единство / единение» — «отрицательное единство / единение». Естественно, первый член ее более сильный, поскольку идея интегративности сама по себе в парламентском дискурсе оценивалась в основном положительно. Однако даже из приведенных выше примеров видно, что

интегративность при помощи анализируемых лексем могла выражаться с прямой негативной оценочностью, иронически или даже саркастически. С функциональной точки зрения случаи выражения отрицательного единства / единения связаны с темами и микротемами работы Государственной Думы, Совета Министров, отдельных депутатов или членов правительства; все они универсальны и использовались ораторами с разными политическими взглядами. Особый случай — смысловые группы 3.3 и 3.4, которые можно наблюдать в выступлениях крайне правых депутатов. Единение русских с поляками или евреев с русскими выражалось в отрицательном ключе как умеренными правыми, так и членами «Союза русского народа». Янушкевич: *Я и дальше нахожу, что дальше бороться нам нечего, ибо мы, крестьяне, до сего времени вынося многое не своих плеч за русское отечество, мы имеем упрек все время от нашего польского населения. Но когда видим, что большинство Думы теперь отбрасывает нас, отталкивает нас, отселе мы складываем свое знамя. Пусть наши потомки не обижаются на нас. И мы подходим под знамя польское, и мы войдем в то **единение**, в то семейное согласие, с которым наши отцы боролись, надеясь поддерживать наши дружеские отношения с Россией* [ГД 1911, с. 1369].

В большей же части проанализированных высказываний указание на *единство / единение* использовалось в составе различного рода аргументов к пафосу всеми фракциями Государственной Думы. Например, для левых депутатов была характерна самая низкая интенсивность выражения идеи интегративности при помощи анализируемых лексем, затрагивались исключительно смысловые группы «единение трудящихся» (5.1) и «единение военнослужащих» (5.2), реже — «единство Государственной Думы» (1.1) при использовании лексем в прямом значении или с нанизыванием эпитетов. Фракции центра, например кадеты, наоборот, активнее всех других политических сил использовали лексемы *единство / единение* при выражении самых разнообразных тем и смыслов: 1.3—1.5, 2.1, 2.3, 2.4, 3.3—3.6, 4.2, 6.1—6.3. При этом активно использовались метафоры и эпитеты, немалая часть которых, например, приходится на выступления одного из главных трибунов кадетской фракции — Ф. И. Родичева.

Особый интерес представляет вербализация идеи интегративности в речах депутатов правых фракций. Здесь можно наблюдать четкую «специализацию» на выражаемых смыслах: на первом месте по частотности микротемы единства России (2.1) и единения государя с народом (2.2), далее — единения славянских народов (3.1), народов России (3.2), кровного единения народов (3.7), а также весь смысловой блок единения внутри русского народа (4.1—4.3). При этом именно правые депутаты употре-

бляли при анализируемых лексемах местоимение *наше*. *Марков Второй: [О блоке прогрессистов] в окопах бьются солдаты, бьются за вас и за нас, а вы в это время хотите разрушить наше единение и спокойствие народа подвергнуть опытам майкопских граждан* [ГД 1916, с. 1455]. Этот маркер важен, так как указывает на наличие дихотомии «наше» — «ваше», или «свое» — «чужое», где «наше» и «свое» — единый русский народ, единое государство, «ваше» и «чужое» — не предназначенное для единства с «нашим», неинтегрируемое (евреи, поляки, революционеры, социалисты и т.п.). *Единение / единство* рассматриваются как маркеры «своего», а соответствующие семантические комплексы становятся базой для проявлений речевой агрессии: «чужие» своими действиями пытаются разрушить «наше единство», разобщить, поэтому данные лексемы активно использовались для реализации речевых тактик обвинения и обличения политических оппонентов.

4. Выводы = Conclusions

Лексемы *единство* и *единение* активно использовались в русском парламентском дискурсе начала XX века для выражения семантики интегративности. Результаты наблюдений над их функционирование в целом коррелируют с имеющимися данными, представленными в работах М. В. Гавриловой, Т. В. Дубровской, А. С. Семёхиной и А. В. Щетининой, однако обнаруживают ряд специфических особенностей.

1. Так, например, установлено, что в количественном плане использование анализируемых лексем резко увеличивается начиная с 1914 года и достигает своего пика в стенограммах 1916 года, что свидетельствует об их особой востребованности в связи с началом Первой мировой войны. По всей видимости, это касается не только слов *единство* и *единение*, но и других репрезентаций семантики интегративности. Интегративность, выражаемая анализируемыми лексемами, касается многих разнообразных тем, от семьи и суда до мнений, принципов и взглядов. Например, проблема этнического единства в России, так характерная для современного политического дискурса, не была доминирующей, а входила в парадигму обсуждений государственного единства в целом.

2. С точки зрения лексического значения слова *единство* и *единение* зачастую употреблялись как синонимы, однако лексема *единение* развивала особую неравноправную семантику, связанную с синтаксической конструкцией *единение X с Y*, где X приобретал значение субъекта, производящего действия в целях интегративности. Такими субъектами могли быть Государь, Финляндия, евреи, мусульмане, русские и т. п. Статичный же Y чаще всего был представлен словами *народ, русские, империя, государ-*

ство, правительство и т. д. Иными словами, грамматическая субъектность в данной модели не была присуща государству, политическим институтам и народу (не они объединялись с кем-то, чем-то, а происходило единение кого-то, чего-то с ними). Лексема *русские* употреблялась в обеих позициях этой модели, но чаще в статичной: *единение евреев с русскими, единение мусульман с русскими*.

3. Персуазивность *единства / единения* в риторической практике до-революционной Государственной Думы связана с достижением высокого пафоса выступления за счет употребления данных лексем в прямом значении, развития при них эпитетов, вхождения их в состав метафор. В то же время наблюдаются случаи использования лексем в ироническом контексте, связанные в основном с оценкой работы депутатов, Государственной Думы и институтов власти в целом.

Можно сделать вывод о том, что употребление в определенном контексте лексем *единство* и *единение* было политическим маркером, так как наблюдается определенная специализация словоупотреблений в выступлениях представителей разных политических сил. Если левые ограничивались высказываниями исключительно о единстве трудового народа, то для кадетов концепт единства был одним из главных в их речах. Правые же депутаты четко разделяли положительную интегративность (*единение славян, единство русских, наше единство, единение Государя с народом*) и отрицательную (*единение русских с поляками, мусульман, евреев с русскими и т.п.*). Последняя служила основой для выстраивания образа врага: в логике ораторов, политик, продвигавший идею отрицательной интегративности, пытался разрушить *наше единство* и подвергался речевой агрессии.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГД 1908 — *Государственная Дума*. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Часть 1. Заседания 1—35. — Санкт-Петербург, 1908. — 3152 с.
2. ГД 1911 — *Государственная Дума*. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Часть 2. Заседания 39—73. — Санкт-Петербург, 1911. — 3723 с.
3. ГД 1912 — *Государственная Дума*. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Часть 4. Заседания 120—153. — Санкт-Петербург, 1912. — 4336 с.
4. ГД 1913 — *Государственная Дума*. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Часть 1. Заседания 1—30. — Санкт-Петербург, 1913. — 2438 с.
5. ГД 1914 — *Государственная Дума*. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Часть 1. Заседания 1—28. — Санкт-Петербург, 1914. — 2095 с.
6. ГД 1915 — *Государственная Дума*. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. — Петроград, 1915. — 1399 с.

7. ГД 1916а — *Государственная Дума*. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Стлб. 1205—3502. Заседания 17—37. — Петроград, 1916. — 3502 с.

8. ГД 1916б — *Государственная Дума*. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Стлб. 3503—5813. Заседания 38—60. — Петроград, 1916. — 5813 с.

Литература

1. Гаврилова М. В. Развитие содержательных форм концепта «единство» в русском политическом дискурсе XX—XXI веков / М. В. Гаврилова // Политическая лингвистика. — 2010. — № 3 (34). — С. 13—18.

2. Громыко С. А. Персуазивный комплекс как единица анализа парламентского дискурса / С. А. Громыко // Научный диалог. — 2021а. — № 4. — С. 66—79. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-66-79.

3. Громыко С. А. «Слеза ребенка» в русском парламентском дискурсе начала XX века (на материале выступлений русских националистов) / С. А. Громыко // Политическая лингвистика. — 2021б. — № 3 (87). — С. 145—155. — DOI: 10.26170/1999-2629_2021_03_14.

4. Джиоева В. П. Реализация концептов единство / иудзинад в югоосетинском политическом дискурсе в ситуации русско-осетинского двуязычия / В. П. Джиоева // Политическая лингвистика. — 2017. — № 4. — С. 53—59.

5. Дубровская Т. В. Маркеры единения в правовом и политико-правовом дискурсе / Т. В. Дубровская. — В книге : Лики единения в языке и дискурсе / под ред. Т. В. Леонтьевой. — Екатеринбург : Ажур, 2022. — С. 196—264. — ISBN 978-5-91256-571-7.

6. Кириянов И. К. Стенографические отчеты Государственной Думы начала XX века: от традиционного к компьютерному источниковедению / И. К. Кириянов, С. И. Корниенко // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 6 (144), История. Вып. 30. — С. 144—148.

7. Ли́ки еди́нения в языке и дискурсе : монография / Т. В. Дубровская, А. Н. Кислицина, Т. В. Леонтьева, Л. Н. Ребрина, А. С. Семехина, А. В. Щетинина ; под редакцией Т. В. Леонтьевой. — Екатеринбург : Ажур, 2022. — 292 с. — ISBN 978-5-91256-571-7.

8. Михайленок О. М. Концепт согласие в российском политическом дискурсе / О. М. Михайленок // Согласие в обществе как условие развития России. Вып. 3. Политическое согласие : Стратегии и реальность. — Москва : ИС РАН, 2013. — С. 9—25.

9. Мухин А. М. Вариантность синтаксических единиц / А. М. Мухин. — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 1995. — 239 с.

10. Руженцева Н. Б. Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи / Н. Б. Руженцева, Ю. А. Антонова. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. — 292 с.

11. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — 624 с.

12. Семёхина А. С. Языковая репрезентация идеи национального единения в медийном дискурсе / А. С. Семёхина, А. В. Щетинина. — В книге : Ли́ки еди́нения в языке и дискурсе / под ред. Т. В. Леонтьевой. — Екатеринбург : Ажур, 2022. — С. 148—168. — ISBN 978-5-91256-571-7.

13. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. — Т. 4. — 795 с.

14. *Современный русский литературный язык* / под ред. П. А. Леканта. — Москва : Юрайт, 2014. — 559 с.

15. Щетинина А. В. Языковая репрезентация идеи национального единения в медийном дискурсе / А. В. Щетинина, А. С. Семёхина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2021. — № 1 (213). — С. 18—27.

16. *European Parliaments under Scrutiny : Discourse Strategies and Interaction Practices* / edited by Cornelia Ilie. — Amsterdam, the Netherlands: John Benjamins Publishing Company, 2010. — 386 p.

Статья поступила в редакцию 29.04.2023,
одобрена после рецензирования 01.06.2023,
подготовлена к публикации 15.06.2023.

Material resources

- GD 1908 — The State Duma. Third convocation. (1908). *Verbatim reports. Session four. Part 2. Sessions 39—73*. Sankt-Peterburg. 3152 p. (In Russ.).
- GD 1911 — The State Duma. Third convocation. (1911). *Verbatim reports. Session four. Part 2. Meetings 39—73*. St. Petersburg. 3723 p. (In Russ.).
- GD 1912 — The State Duma. Third convocation. (1912). *Verbatim reports. Session five. Part 4. Meetings 120—153*. St. Petersburg. 4336 p. (In Russ.).
- GD 1913 — The State Duma. Fourth convocation. (1913). *Verbatim reports. Session one. Part 1. Meetings 1—30*. St. Petersburg. 2438 p. (In Russ.).
- GD 1914 — The State Duma. Fourth convocation. (1914). *Verbatim reports. Session two. Part 1. Sessions 1—28*. St. Petersburg. 2095 p. (In Russ.).
- GD 1915 — The State Duma. Fourth convocation. (1915). *Verbatim reports. Session four*. Petrograd. 1399 p. (In Russ.).
- GD 1916a — The State Duma. Fourth convocation. (1916). *Verbatim reports. Session four. Stlb. 1205—3502. Sessions 17—37*. Petrograd. 3502 p. (In Russ.).
- GD 1916b — The State Duma. Fourth convocation. (1916). *Verbatim reports. Session four. Stlb. 3503—5813. Sessions 38—60*. Petrograd, 1916. 5813 p. (In Russ.).

References

- Gavrilova, M. V. (2010). Development of meaningful forms of the concept “unity” in the Russian political discourse of the XX—XXI centuries. *Political Linguistics*, 3 (34): 13—18. (In Russ.).
- Gromyko, S. A. (2021a). Persuasive Complex as a Unit of Analysis of Parliamentary Discourse. *Nauchnyi dialog*, 4: 66—79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-66-79. (In Russ.).
- Gromyko, S. A. (2021b). The article analyzes the use of a child’s image-symbol in the Russian parliamentary communication of the early twentieth century (based on the transcripts of the meetings of the Third and Fourth State Duma). *Political Linguistics*, 3 (87): 145—155. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_03_14. (In Russ.).
- Dubrovskaya, T. V. (2022). Unity markers in legal and political-legal discourse. In: Leontyeva, T. V. (ed.). *Faces of Unity in Language and Discourse*. Yekaterinburg: Azhur. 196—264. ISBN 978-5-91256-571-7. (In Russ.).
- Dzhioeva, V. P. (2017). Implementation of the concepts of unity / iudzinad in the South Ossetian political discourse in the situation of Russian-Ossetian bilingualism. *Political Linguistics*, 4: 53—59. (In Russ.).

- Evgenieva, A. P. (ed.). (1999). *Dictionary of the Russian language*. Moscow: Russkiy yazyk, Poligrafresursy. 795 p. (In Russ.).
- Ilie, C. (ed.). (2010). *European Parliaments under Scrutiny: Discourse Strategies and Interaction Practices*. Amsterdam, the Netherlands: John Benjamins Publishing Company. 386 p.
- Kiryanov, I. K., Kornienko, S. I. (2009). Verbatim Records of the State Duma of the Early 20th Century: From Traditional to Computer Source Studies. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 6 (144), History. Iss. 30: 144—148. (In Russ.).
- Lekant, P. A. (ed.). (2014). *Modern Russian literary language*. Moscow: Yurayt. 559 p. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V. (ed.). (2022). *Faces of Unity in Language and Discourse*. Yekaterinburg: Azhur. 292 p. ISBN 978-5-91256-571-7. (In Russ.).
- Mikhaylenok, O. M. (2013). The concept of consent in Russian political discourse. In: *Consent in society as a condition for the development of Russia. Iss. 3. Political consensus: Strategies and reality*. Moscow: IS RAS. 9—25. (In Russ.).
- Mukhin, A. M. (1995). *Variation of syntactic units*. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. 239 p. (In Russ.).
- Ruzhentseva, N. B., Antonova, Yu. A. (2013). *Interethnic discourse: a model in the context of an era*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 292 p. (In Russ.).
- Sannikov, V. Z. (2008). *Russian syntax in the semantic-pragmatic space*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur. 624 p. (In Russ.).
- Semekhina, A. S., Shchetinina, A. V. (2022). Language representation of the idea of national unity in media discourse. In: Leontyeva, T. V. (ed.). *Faces of Unity in Language and Discourse*. Yekaterinburg: Azhur. 148—168. ISBN 978-5-91256-571-7. (In Russ.).
- Shchetinina, A. V., Semekhina, A. S. (2021). Language representation of the idea of national unity in media discourse. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University: I* (213): 18—27. (In Russ.).

*The article was submitted 29.04.2023;
approved after reviewing 01.06.2023;
accepted for publication 15.06.2023.*